УДК 94(47).084.3-058.244

ФЕФЕЛОВ С.В.

Сибирское крестьянство и режим адмирала А.В. Колчака

В статье исследуются состояние тыла на территории России в период Гражданской войны, подвластной белому режиму адмирала А.В. Колчака в 1918–1919 гг., отношение к белой власти сибирского крестьянства, а также изменения, которые происходили в настроениях крестьянского и городского населения на указанной территории.

Ключевые слова: Сибирь, крестьянство, режим адмирала Колчака, 1918–1919 гг., белое движение.

Проблема тыла при изучении любой войны имеет самостоятельное и многоплановое значение, поскольку в понятие тыл включается все, что напрямую не связано с фронтовыми событиями, боевыми действиями на фронте. Поэтому в понятие тыла воюющей армии входит и деятельность правительственных учреждений, напрямую не занимающихся разработкой и реализацией оперативных планов, в частности военного министерства, и деятельность политических партий и общественных движений, идеологического и пропагандистского аппарата, прессы и многое другое. Однако тыл – это прежде всего основная масса населения, прямо или косвенно втянутая в войну, но непосредственно в ней не участвующая, особенно мужская, которая является потенциальным мобилизационным фондом для противостоящих вооруженных сил. Особый интерес в этом отношении представляет тыл времен Гражданской войны в России, важнейшим аспектом изучения которого является морально-нравственное самочувствие населения. Оно напрямую оказывается в зависимости от изменения фронтовой обстановки. В сфере внимания в настоящей статье оказывается сравнительно мало изученный тыл белого режима адмирала А.В. Колчака.

Территория бывшей Российской империи к востоку от Урала была заселена значительно меньше по сравнению с европейской частью России. Если плотность населения в европейской части России составляла в среднем 22 человека на квадратный километр, то к востоку от Урала – 0,5 человека на квадратный километр. При этом в основном были заселены территории Урала, Западной Сибири и Дальнего Востока. Восточная Сибирь была относительно малолюдна. По составу населения, если не считать коренное население, это были казаки, поселившиеся здесь раньше других групп населения, крестьянство, начавшее заселять указанные территории сравнительно поздно, в конце XIX – начале XX в., и рабочие уральских заводов, появившиеся здесь со второй половины XVIII в. Крестьянское население, безусловно, было господствующим по численности. Из 9–10 миллионов населения только 300– 400 тысяч было рабочими. В Сибири практически никогда не было крепостного крестьянства. Почти вся земля в Сибири была либо крестьянской, либо государственной[1]. Да и само крестьянство жило значительно лучше русского крестьянства европейской части России. Уровень жизни и прожиточный минимум уральско-сибирского крестьянского населения к 1917 г. был значительно выше. Этим объясняется и его отношение к большевистской революции, к красным и к белому движению. Однако для понимания поведения крестьянского и отчасти ра-

бочего населения Сибири и Урала, а также изменений отношения этого населения к красным и белым на протяжении 1919 г. необходимо обратить внимание на следующее.

Расслоение крестьянства, вызванное аграрной революцией, началось в Сибири раньше, чем в европейской России. Оно приняло своеобразные, специфически сибирские формы борьбы «новоселов» против «старожилов». «Районы подтаежные, – отмечает А. Колосов, – оторванные от центра, наиболее глухие, наименее грамотные, стояли за одну ориентацию в политических вопросах, а районы земледельческие, хлебопашеские – за другую. При этом оказывалось, что первые районы – переселенческие, вторые – старожильские»[2]. Переселенцы привыкали ко всякого рода ссудам, которые развращали их и рабочее население, перерождали в нищих, попрошаек-профессионалов». Возникла своего рода «бродячая Русь», хищнически обращавшаяся с землей, лесом, природными богатствами. Этот бесхозяйственный элемент в сибирской переработке, конечно, должен был отнестись очень сочувственно к таким политическим лозунгам, как, например, захват чужой земли. Последнюю же можно было отбирать только у старожилов и казаков[3].

В свою очередь, А.А. Зайцов, характеризуя социально-политическое состояние сибирского населения, преимущественно крестьянского, отмечал, что «из остальных окраин Сибирь медленнее всего воспринимала советскую власть. Отсутствие в Сибири крупного частного землевладения лишало в глазах сибирского крестьянства советскую власть главной ее приманки: дележ земли, когда делить было нечего, конечно, не мог явиться лозунгом, привлекающим на ее сторону широкие массы крестьян»[4]. Как и Н.Н. Головин, автор обращает внимание лишь на один важный аспект социального расслоения в Сибири, специфический именно для этого региона России: «земельный вопрос в Сибири сводился к расслоению крестьянства на зажиточных и неимущих «новоселов», т.е. переселенцев последних годов, не успевших ни обзавестись хозяйством, ни получивших достаточных земельных наделов»[5]. Зайцов дает, пожалуй, более точное определение социальному положению «новоселов», по крайней мере, их большинству. «Лишь эта последняя категория, особенно многочисленная на Алтае и между Енисеем и Ангарой, представляла собой полупролетариат, склонный к восприятию советских лозунгов»[6]. По мнению Г.К. Гинса, сибирский крестьянин, точнее, коренной, «старосел», «относился к земельному вопросу равнодушно»[7]. Подытоживая, Зайцов делает вывод: «В общем, Сибирь в 1918 г. не являлась ни опорой советской власти, ни очагом контрреволюции. Она была нейтральной»[8].

«Нужно иметь в виду, что Сибирь, – отмечал, дополнял и уточнял в связи со сказанным выше белый генерал колчаковской армии П.П. Петров, – стоявшая далеко от фронта, была настроена вовсе не воинственно, мобилизованные если и являлись по призыву, то это не значит, что шли охотно против большевиков. Сибирь еще в большей степени, чем Поволжье, была ко времени переворотов не тронута большевиками. Еще в городах кое-кто пострадал, а деревня стояла далеко от влияния большевиков»[9]. В частности, генерал Петров оставил краткую обрисовку социально-экономического состояния и настроения крестьянства на Тоболе. «Район был богатейший хлебом, маслом, – вспоминал он. – Плохо было то, что на покупку местных запасов денег не отпускалось, так как предполагалось, что все необходимое должно подаваться натурой. Это все необходимое считалось, конечно, по существующим нормам для обычного солдатского довольствия, а между тем в Гражданскую войну нормы на самом деле были давно потеряны и довольствия требовалось гораздо больше. Сегодня ели сытно, а завтра так себе. Поэтому приходилось разбирать жалобы на реквизиции, хотя, в общем, население относилось здесь к нам очень сочувственно и кормило охотно»[10].

Таким образом, если нельзя считать сибирско-уральское крестьянство сторонниками большевистской революции, то и видеть в них активных сторонников белого движения тоже вряд ли следует. «Эх, не то,

барин, – рассуждали крестьяне в разговоре с генералом К.В. Сахаровым, – нам бы какая власть ни была, все равно, – только бы справедливая была да порядок бы установила. Да чтобы землю за нами оставили. Если бы землю-то нам дали, мы бы все на Царя согласились»[11].

Поэтому из-за властной слабости «в массах народных к Директории относились совершенно безразлично, слои интеллигентные – неодобрительно, а армия на фронте буквально начинала ее ненавидеть и глухо волновалась, спрашивая, за кого же и для чего она будет проливать кровь и жертвовать жизнями, раз нет веры и нет малейшей очевидности, что новая мифическая власть может спасти и оздоровить Россию»[12].

Такая позиция уральско-сибирского крестьянства красноречиво проявилась во время военной кампании 1919 г. «Наступление весной показало, – отмечал генерал Петров, – что отношение населения как к нам, так и к большевикам одинаковое. Нас встречали хорошо, иногда с радостью, но, увы, скоро начинались жалобы и на реквизиции, и на самоуправства, и просто на тяжесть военного постоя. На пути нашем из Уфы через Стерлитамак к Богородскому большевики при отходе безжалостно отбирали лошадей для подвод – нам ничего не оставалось. Население ругало их, проклинало; целые толпы крестьян попадались нам навстречу – они двигались за большевиками и старались вернуть лошадей. Иногда это удавалось. Там, где мы стояли долго, начинали ругать нас. Перебегали к нам крестьянские парни, только что перед нашим приходом мобилизованные в этой местности. Мы их отпускали домой, они с радостью уходили. Но когда их спрашивали, не хотят ли идти против большевиков, чистосердечно заявляли, что не хотят. Большевики в это время только что начинали вводить в деревне комбеды, которые еще не показали себя. Кажется, в Богородском приносили мне какие-то протоколы заседания сельского комбеда по вопросу об иконах. Было получено распоряжение из уезда выбросить иконы из помещений сельских советов. Какой-то комбед решил, что это исполнять не следует по причине привычки населения к суевериям»[13].

Тем не менее во время весеннего наступления колчаковской армии отношение населения, крестьянского прежде всего, было явно антибольшевистским. «Порядок очень плохой, – писал житель Челябинска, из Оренбургской губернии. – За делом смотрят плохо и принуждают записываться в коммунистическую партию, но на нее здесь смотрят плоховато, да и солдаты говорят, что коммуны у нас не должно быть; мы идем воевать не за коммунистов, а за советскую власть»[14].

По свидетельству генерала Сахарова, относящемуся ко времени весеннего наступления колчаковской армии в 1919 г., «в селе Марьевка несколько тысяч населения, и, несмотря на будни, почти все оставались дома. На мой вопрос о причинах такой перемены как раз теперь, когда они завладели землей, крестьяне ответили так:

– Видишь, барин, нам это не способно: одно дело, кто землю-то нам продал? Неизвестно. А другое дело война, – все равно пропадет. Ты посеешь, потрудишься, а Красная гвардия придет, половину стравит (потопчет), а другую половину отнимет...»[15].

Сравнительно зажиточные урало-сибирские деревни не испытывали потребности в реализации большевистского Декрета о земле и тем более совсем не желали введения у них продразверстки. Поэтому крестьяне приветствовали войска адмирала Колчака, ждали их и готовы были им помогать продовольствием. «Однажды в эти дни (май 1919 г.), – обратимся вновь к воспоминаниям генерала Сахарова, – я ехал в автомобиле к войскам на правый фланг армии, мы обогнали длинный, растянувшийся крестьянский обоз.

– Какой части?

– Дуванской волости, – отвечали возницы.

– Что везете?

– Хлеб.

– Куда?

– Да в армию, значит, везем.

Никого из представителей интендантства не было, не видно команды при обозе. Непорядок. Но собравшиеся около автомобиля крестьяне сейчас же разъяснили недоразумение.

– Вишь, Ваше Превосходительство, прослышали мы, что в Вашей армии хлеба нехватка, ну наша волость собрала сход, и постановили, кому сколько испечь караваев. Вчерась пекли, собрали шестьсот пудов. А вот теперь, значит, мы и везем хлебушко-то… – тихим, ласковым голосом рассказывал мне белый, как лунь, старик крестьянин»[16].

Крестьянство оказывало помощь белой армии не только продовольствием, но и иного характера – одеждой, обувью и т.п. «По всему Златоустовскому уезду собирали крестьяне совершенно добровольно одежду и даже несколько сот пар сапог, – вспоминал генерал Сахаров, – в этом они сами очень нуждались. Об их подъеме, об их готовности жертвовать всем для спасения родины от большевиков, за которыми они своим здоровым инстинктом чувствовали чуждый народу, враждебно и злорадно ненавидящий все русское интернационал, – обо всем этом свидетельствуют ряд подобных фактов и множество документов, приговоры сельские, волостные и заводские»[17].

В этот период времени в составе колчаковской армии появлялись и достаточно многочисленные добровольческие отряды, составленные из местного населения. Некоторые из них достигали полковой численности.

«Уфимские и камские полки имели в своих рядах больше крестьян – население этих районов определенно встало все против большевиков, – вспоминал генерал Сахаров. – Как пример могу привести 30-й стрелковый Аскинский полк, сформированный из жителей волости этого названия; полк дрался выше похвалы, а волость давала не только пополнение людьми, она снабжала полк одеждой, обувью, обозом и пищевыми продуктами. …Или другой полк, 15-й стрелковый Михайловский, стяжавший себе боевую славу как один из первых; он был сформирован и пополнялся жителями Михайловского уезда, посылавшими подкрепления по первому слову»[18].

Что касается социально-политического настроя рабочих Урала и Сибири, которых красная сторона назвала одной из главных опор Красной Армии и грядущей советской власти, а белая, наоборот, стремилась представить как социальный слой, в большинстве своем сочувственно относившийся к режиму адмирала Колчака, ссылаясь преимущественно на рабочие восстания в Ижевске и Воткинске, то на этот счет представляется наиболее взвешенной точка зрения А.А. Зайцова.

«И политически, и с чисто военной точки зрения Ижевское восстание имело, конечно, первостепенное значение». Однако из последующих рассуждений автора становится понятной политическая позиция, выраженная восставшими ижевскими рабочими. «Связанные с землей рабочие-хлебопашцы Ижевского и Воткинского заводов, – эта особенность социально-экономического бытия указанных рабочих весьма важна, – были органически враждебны сочетской, хотя и рабочей по преимуществу, власти. В лице ижевцев и воткинцев Восточный фронт белых наконец обрел те подлинно народные элементы, которые могли заменить «уставших» от борьбы чехов и дать пополнение Народной армии. Пример этого восстания ярко показал, что заводской Урал в лице его землепашцев-рабочих мог и должен был быть использован белой стороной. В лице уральских рабочих белая сторона получала ту опору в населении, которой ей так не хватало»[19]. Но завершает свои рассуждения Зайцов весьма важным замечанием: «Однако Ижевско-Воткинское восстание осталось лишь эпизодом в борьбе»[20].

Насколько позволяют судить письма простых людей, крестьян, горожан, даже в регионах России, находившихся далеко на западе от территории «Омского правителя», в Нижегородской, Ярославской, Тверской, Калужской, Московской, даже в Новгородской губерниях, в июне, июле, даже еще в августе 1919 г. с нетерпением и надеждой ожидали прихода колчаковских войск как избавителей от «красного ига».

«Все с большой надеждой ждут, и в глубине – с сочувствием, Колчака, – писал в своем письме от 12 июня 1919 г., – крестьянин с. Вешажанково Ярославской губернии, – ожидая, что при его пришествии с тем количеством денег, которыми все запаслись, они не только не пропадут, а, напротив, заживут припеваючи…»[21]. В бо-

лее дальней, Калужской губернии также с нетерпением ждали прихода белой армии адмирала Колчака. «Все взоры народа обращены на восток, откуда ожидают своего избавителя Колчака, – писал 9 июня 1919 г. житель городка Хвостовичи, – который свергнет ненавистное всем иго коммунизма»[22]. В селе Зубцово Тверской губернии крестьяне были уверены, что «придет Колчак, не будет такого беспорядка, хоть будет хуже, а будет порядок и хлеб...»[23]. Такого рода настроения были характерны не только для сельского, крестьянского населения, но и для фабрично-заводских рабочих. «У нас на фабрике говорят, – писал один из них, житель г. Щелково, 14 июня 1919 г., – что скоро придет Колчак; народ не дождется, скоро ли это установится»[24]. А в нижегородском селе Кекино, даже когда войска адмирала Колчака уже потерпели тяжелые поражения в Златоустовской и Челябинской операциях, жители продолжали надеяться на приход его войск. «У нас все-таки Колчака ждут, как Бога», – писал один из них. И это не был единичный случай. 30 июля в селе Крестовниково той же Нижегородской губернии другой крестьянин писал: «Наши мужички никак не дождутся, когда придет Колчак, урожай плохой, хуже летошнего, рожь очень редкая, был град и все переломал»[25].

Таким образом, общий настрой крестьянского, да и городского населения, и не только на Урале и в Сибири, но и в европейских губерниях России в указанный период времени был в пользу режима и армии адмирала Колчака.

[1] Колосов А. Сибирь при Колчаке (воспоминания, материалы, документы). Петроград, 1923. С. 236.

[2] Там же. С. 23.

[3] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Т. 2. М., 2011. С. 315.

[4] Зайцов А.А. 1918: очерки истории русской гражданской войны. М., 2006. С. 164.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Ч. 1. Пекин, 1921. С. 32.

[8] Зайцов А.А. 1918: очерки истории русской гражданской войны. М., 2006. С. 165.

[9] Петров П. От Волги до Тихого океана в рядах белых //Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004. С. 31.

[10] Там же. С. 53.

[11] Сахаров К. Белая Сибирь //Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004. С. 63.

[12] Там же. С. 69.

[13] Петров П. От Волги до Тихого океана в рядах белых //Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004. С. 34.

[14] Частные письма эпохи Гражданской войны. По материалам военной цензуры // Неизвестная Россия. XX век. Вып. 2. М., 1992. С. 232.

[15] Сахаров К. Белая Сибирь //Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004. С. 63.

[16] Сахаров К. Белая Сибирь //Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004. С. 155.

[17] Там же.

[18] Там же. С. 99.

[19] Зайцов А.А. 1918: очерки истории русской гражданской войны. М., 2006. С. 313–314.

[20] Там же. С. 314.

[21] Частные письма эпохи Гражданской войны. По материалам военной цензуры // Неизвестная Россия. XX век. Вып. 2. М., 1992. С. 233.

[22] Там же.

[23] Там же. С. 234.

[24] Там же.

[25] Там же.